

На правах рукописи

Бойко Наталья Витальевна

**ГАЛЛО–РИМСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ IV ВЕКА:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ЛИЧНОСТНЫЙ МОДУСЫ**

24 00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Ярославль

2006

Работа выполнена на кафедре культурологии и журналистики Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского».

Научные руководители: Заслуженный деятель науки РФ, доктор искусствоведения, профессор Злотникова Т.С.; доктор исторических наук, доцент Перфилова Т.Б.

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор Нажмудинов Г.М.; кандидат философских наук, доцент Родин В.О.

Ведущая организация: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет»

Защита диссертации состоится 25 мая 2006 года в 11 час. на заседании диссертационного совета К. 212 307 03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, кандидата культурологии и кандидата философских наук при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Ярославский государственный педагогический университет им К Д Ушинского» по адресу: г. Ярославль, Которосльская наб., 66, ауд. 314.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского по адресу: г. Ярославль, Республиканская ул., 108.

Отзывы на автореферат присылать по адресу: 150000. г. Ярославль, Республиканская ул., 108. Диссертационный совет К. 212.307.03.

Автореферат разослан «21» апреля 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат культурологин,
доцент

Н.Н. Лётина

2006 А
8238

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Поздняя Римская империя, временные рамки существования которой, по мнению большинства ученых, совпадают с эпохой домината (284–476 гг.), чаще всего воспринимается как время упадка. Такое представление, сформированное в отечественной и зарубежной историографии XIX–XX вв., в значительной степени привело к ослаблению интереса ученых к этой эпохе, а, следовательно, и неполной разработке в науке проблем, связанных в частности с культурой поздней Римской империи

Исследователи, способствовавшие формированию названной точки зрения, концентрировали свое внимание, главным образом, на изучении социально-экономических отношений и политической истории поздней Римской империи: на формировании института колоната (А.Р. Корсунский, А.Б. Ранович, Е.М. Штаерман), на особенностях рабства в западных провинциях (В.И. Кузицин, В.М. Смирин, Е.М. Штаерман), на вопросах становления феодальных отношений в эпоху домината (Е.В. Гутнова, А.Д. Люблинская, А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, З.В. Удальцова, Л.В. Черепнин), на характере императорской власти в поздней Римской империи (И.О. Князький, А.А. Чекалова, О.А. Шалимов).

В то же время, широкое освещение, особенно в зарубежной историографии, получила проблема распространения и легитимизации христианства в Римской империи. В рамках этих исследований ученые нередко обращались к вопросу о роли римской аристократии в борьбе за утверждение христианства как государственной религии римской державы, а также противостоянию апологетов языческой веры и христианской религии, при этом социально-политическая роль, мировоззренческий потенциал, культурные интенции провинциальной знати, как правило, элиминировались. Однако есть все основания полагать, что именно галло-римская аристократия смогла сохранить античное историко-культурное наследие, во многом определив его дальнейшую судьбу в средневековой Европе.

Актуальность исследования определяется тем, что:

- в настоящее время, когда культура новоевропейской эпохи заканчивает свой очередной цикл развития, а контуры культуры следующей эпохи только намечаются, внимание философов, историков и культурологов привлекают переломные в истории человечества эпохи, связанные со сменой культурно-исторических парадигм; к числу таких переломных принадлежит и эпоха поздней Римской империи;
- в современной социокультурной ситуации заново осмысливается роль провинции не только как хранителя традиционных культурных ценностей,

но и как среды формирования и консервации духовного и повседневного опыта. такое осмысление невозможно без обращения к историческому прошлому человечества, в том числе, к истории провинций Римской империи, – в современной науке и общественной жизни широко обсуждается и интерпретируется понятие «провинция», поэтому актуальным представляется системное определение ментальных особенностей личности и особенностей жизни представителя провинции в аутентичном качестве. как это можно сделать применительно к Римской империи IV в

Целью исследования является реконструкция картины мира галло-римского аристократа IV в с учетом социокультурного и личностного модусов. Этим обусловлены **задачи исследования**:

1. Выявить и проанализировать социокультурные реалии существования галло-римской аристократии IV в
2. Определить место галло-римской аристократии в культурной элите Римской империи IV в
3. Выявить специфику поведения представителя культурной элиты IV в через призму категорий «ofitium»/«negotium» («дело»/«досуг»)
4. Построить шкалу ценностей, характерную для галло-римского аристократа IV в
5. Выявить образ «Я», характерный для самосознания галло-римского аристократа IV в.
6. Соотнести проблематику, характеризующую картину мира галло-римского аристократа IV в, с личностью и текстами Децима Магна Авсония.

Проблема исследования состоит в реконструкции картины мира галло-римского аристократа IV в. в ее социокультурном и личностном модусах

Объектом исследования является галло-римская аристократия IV в как культурно-исторический феномен.

Предмет исследования – образ «Я», характеризующий самосознание галло-римского аристократа IV в и воплощенный в ценностных ориентациях (в ментальной модели поведения представителя галло-римской элиты IV в и в личности Децима Магна Авсония).

Хронологические рамки исследования определены IV в. – временем, когда, одна из провинций, Галлия, играла ведущую роль в политическом, экономическом и социокультурном развитии западной части всей Римской империи, а представители местной аристократии оказывали существенное влияние на политическое и культурное развитие всего римского общества

Материалом исследования послужили следующие группы источников:

1 *Нарративные источники*

Сочинения Децима Магна Авсония¹,
Произведения представителей позднеримской элиты «Письма» Аврелия Симмаха, «История» Аммиана Марцеллина. «Письма» Павлина Ноланнского².
сборник “XII Paepugici latini” и др.

2 *Документальные источники* «Кодекс Феодосия» (438 г). «Кодекс Юстиниана» (529 г.), «Дигесты» (533 г), вошедшие в “Corpus iuris civilis” – кодификацию римского права, связанную с именем ранневизантийского императора Юстиниана (527–565)

Методология исследования.

Междисциплинарный характер проблемного поля исследования, связанного, с одной стороны, с рассмотрением такого историко-культурного феномена как галло-римская аристократия IV в, с другой – с изучением личности галло-римского аристократа. – феномена социально-психологического, предопределил использование ряда научных методов, характерных для активно взаимодействующих сегодня общественных дисциплин (истории, культурологии, социологии, философии): системного метода, ретроспективного метода, сравнительного метода, в частности его синхронического и диахронического ракурсов, метода моделирования, микро- и макроанализа, контент-анализа, герменевтического метода

К числу наиболее важных теоретико-методологических ориентиров нашего исследования принадлежат

- *философское осмысление феноменов культуры* (В С Библер, П.С Гуревич, М С. Каган. А Ф Лосев),

- *культурологическая и антропологическая концепции истории культуры* (Ж ле Гофф, А Я Гуревич, Ж Дюби, Л П Карсавин, Г С Кнабе, Л П Репина);

- *учение о сознании и самосознании творческой личности, в том числе и в античную эпоху* (С С. Аверинцев, А В Азов, Т С Злотникова, И С Кон, А.Г Спиркин);

- *социокультурное осмысление таких феноменов, как «личность», «аристократия», «субкультура» «элита»* (Ю Л Бессмертный, П С. Гуревич, Б С Ерасов, Л.П. Карсавин, И В Кондаков);

¹ «Благодарственная речь императору Грациану» «Гриф о числе три», «Действо семи мудрецов» «Круглый день», «Мозелла», «О знаменитых городах», «О преподавателях Бурдигалы», «О родных», «Свадебный центон», «Усадьба» // Авсоний Магн Стихотворения / Издание подготовил М Л Гаспаров М Наука 1993, Decimi Magni Ausonii Burdigalensis Opuscula / Editid Sextus Prete BSB В G Teubner Verlagsgesellschaft Leipzig 1978

² «Первый ответ Павлина Авсонию» «Второй ответ Павлина Авсонию» // Авсоний Магн Стихотворения С 192–201, S Paulinus Nolanus // Patrologiae cursus completus Series Latina/Ed J P Migne Paris. 1847 Г LXI S 453–462

- учение о личности как субъекте ценностного осмысления действительности, в том числе и в античную эпоху (П С Гуревич, Г С Кнабе, С Л Утченко, Е М Штаерман);

Гипотеза исследования: в диссертации доказывается предположение о том, что социокультурный и личностный модуль галло-римской аристократии IV в сформировались под воздействием двух смыслообразующих факторов, к которым мы относим приверженность традиционным римским ценностям и особенности провинциального менталитета

Степень разработанности проблемы определяется в нескольких аспектах:

1. **Обобщающие труды по истории поздней Римской империи.**

Издание свода всех латинских надписей (CIL) в XIX в. привело к появлению многотомных исследований (Т Моммзен), в которых излагалась, главным образом, политическая история Римского государства, в том числе, и эпохи домината. Представители галло-римской аристократии в этих трудах упоминались редко и преимущественно в контексте рассмотрения процесса романизации провинций. К XIX в. относится труд Я. Буркхарда, в котором рассматривается политическая история позднего Рима (III– начало IV в.), где Галлии посвящена отдельная глава

В начале XX в. в западноевропейской историографии (особенно немецкой и австрийской) появляется большое количество обобщающих трудов по истории поздней Римской империи (А. Допш, Е Штайн). Так, фундаментальное шеститомное исследование О. Зеек, посвященное гибели античной цивилизации, до сих пор пользуется авторитетом среди западноевропейских антиковедов, несмотря на то, что в ней представлена главным образом политическая история Римской средиземноморской державы.

Немецкую историографию второй половины XX в. обращенную к исследованию поздней античности, характеризуют принципиально новые тенденции: междисциплинарный подход, многофакторное объяснение исторического процесса¹, внимание к повседневной жизни людей. В дореволюционной России авторы обобщающих трудов по истории Средних веков, зачастую рассматривали эпоху поздней Римской империи как исходную ступень последующего развития западноевропейской цивилизации

¹ Alföldi G. Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden 1986. Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreiches – Paderborn, München, Wien, Zürich. Schönigk 1995. Bd 1. 2. Demandt A. Geschichte der Spätantike. Das Römische Reich von Diokletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München. Beck 1998. Heuss A. Römische Geschichte. Paderborn, München, Wien, Zürich. Schönigk 1998.

(например, П. Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский) Проблематика этих работ концентрировалась вокруг социально-экономической и политической сфер жизни позднеримского общества как фундамента нарождавшихся тенденций последующего развития Западной Европы

Отметим, что уже в начале XX в. в отечественной науке возник интерес к переломным эпохам в жизни античного мира. Так, в исследованиях П. Бицилли и И. Гревса рассматривались вопросы упадка и гибели Римской империи.

Обобщающие труды по истории Древнего Рима были созданы в отечественной историографии в XX в. Они имели в основном учебный характер (исключение составляют сочинения Е. М. Штаерман). В этих работах основной акцент был сделан на социально-экономическую и политическую проблематику, что, в свою очередь, было обуславливалось господством идеологизированного марксистского подхода к изучению исторических процессов.

Весьма основательной по характеру исследования является работа А. Р. Корсунского, написанная в соавторстве с немецким ученым Р. Гюнтером. В настоящее время это наиболее значимая монография, связанная с проблемой нашего исследования.

2. Труды, посвященные истории римской Галлии.

Историю римской Галлии впервые стали разрабатывать французские исследователи XIX в., среди которых наиболее существенный вклад в историческую науку внесли Г. Блок, Ф. Гизо и Н. Д. Фюстель де Куланж. Во второй половине XX в. к истории римской Галлии в рамках своего масштабного исследования обратился Ф. Бродель.

В отечественной историографии проблемы, связанные с доримским и римским периодами в истории Галлии, рассматривались Н. С. Широковой и С. В. Шкунаевым. Последний, в частности, занимался выявлением своеобразия процесса романизации Галлии. Однако необходимо отметить, что вопросы развития позднеримской Галлии в работах отечественных историков практически остались без освещения.

3. Труды, посвященные поздней латинской литературе.

Поздняя латинская литература начала рассматриваться и в зарубежном, и в отечественном литературоведении в XIX и первой половине XX в. Это делалось с учетом социально-политической проблематики, а именно общего упадка Римской империи, который автоматически приписывался всей словесной культуре поздней Римской империи. Исключением можно считать двухтомное научное издание «История римской литературы» 1959–1962 гг., авторы которого уделили внимание не только текстам поздних латинских произведений, но и их авторам, например.

Авсония и Рутилию Намациану В начале XX в важную попытку «реабилитировать» позднюю латинскую литературу, и ее представителей предпринял В Брюсов, который показал логику развития латинской словесности в эпоху заката Римской империи в ее неразрывной связи как с общими социокультурными и политическими тенденциями того времени, так и с психологическими особенностями творческой личности, выбрав в качестве предмета своего исследования галло-римского поэта IV в Децима Магна Авсония.

Во второй половине XX в в отечественной науке к проблемам литературного наследия поздней Римской империи обращаются С С. Аверинцев и М.Л. Гаспаров, которые активно применяют культурно-антропологические подходы, ставят проблемы, связанные с вопросами самосознания, ценностных ориентаций и, в целом, картины мира творческой личности позднего Рима

4 В трудах, посвященных взаимоотношениям христианства и язычества, церкви и государства в IV в., важное место отводится позднеримской аристократии Проблема религиозного мирозерцания элиты получила наиболее полное освещение у Г Буасье, рассмотревшего языческую и христианскую «партии» IV в под углом зрения взглядов, идей и ценностей их наиболее ярких представителей, в числе которых были и галло-римские аристократы Авсоний, Понтий Павлин, Рутилий Намациан, Сульпиций Север.

В отечественном антиковедении начала XX в «христианская» проблематика позднего Рима получила свое развитие в статьях Л П Карсавина и Ю.А. Иванова. Л П. Карсавин через «вживание в аристократическую атмосферу» IV в старался воссоздать психологический портрет конкретной исторической личности Его статьи до сих пор не потеряли свою научную ценность.

Во второй половине XX в появляется целый ряд исследований, освещающих те или иные проблемы христианизации поздней Римской империи. В нашей стране такие работы принадлежат перу М.М. Казакова, Г.Л. Курбатова Не обращаясь напрямую к проблемам, связанным с мировоззрением галло-римской аристократии, эти авторы нередко точно воссоздают контекстуальные особенности провинциальной культуры IV в

5 В западноевропейской историографии XX в создано немало трудов, посвященных высшим слоям общества поздней Римской империи (Х.Лекен, Б. Нэф), в которых исследованы, в том числе, и вопросы самосознания представителей поздней римской аристократии Предметом исследования К.Ф. Штроекера, являлась непосредственно сенаторская знать поздней Галлии.

Подводя итог обзору широкого круга трудов, актуализированных в диссертации, необходимо констатировать в отечественной историографии целостный образ ни позднеримской аристократии, ни галло-римской знати IV в. никогда не являлся предметом отдельного исследования. Лишь иногда в поле зрения ученых попадали отдельные проблемы жизни обозначенных социальных групп. Так, вопросы достижения высшего уровня образованности средиземноморской элитой IV–V вв. освещались в работах Т.Б. Перфиловой, В.Д. Савуковой; вопросы социального положения авторов сборника “XII Panegyrici latini” – И.Ю. Шабагой; проблема интерпретации категорий «otium»/«negotium» у галло-римской аристократии V в. – О.Н. Маминой. Отдельные представители позднеримской элиты становились предметом исследований П.П. Шкаренкова.

Научная новизна исследования определяется:

– актуализацией категорий «субкультура», «элита» применительно к обществу поздней Римской империи,

семантическим анализом понятий, выражающих важнейшие моральные категории римской культуры и определением той смысловой нагрузки, которую они несут в произведениях Децима Магна Авсония;

построением шкалы ценностей галло-римского аристократа поздней Римской империи с использованием синхронического и диахронического методов на материалах произведений Авсония;

реконструкцией картины мира представителя культурной элиты галло-римского общества через интерпретацию важнейших категорий римского менталитета «otium»/«negotium» и изучением их трансформации в среде галло-римской аристократии в IV в.

Теоретическая значимость исследования определена тем, что в нем выявлено своеобразие картины мира галло-римского аристократа IV в. с учетом социокультурного контекста эпохи: сформирован аксиологически детерминированный портрет галло-римского аристократа IV в.; систематизирован значительный эмпирический и историографический материал, характеризующий высшие слои галло-римского общества IV в.; проделан семантический анализ важнейших категорий римской ментальности «otium»/«negotium» на материале произведений представителей галло-римской аристократии IV в.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы диссертации могут способствовать дальнейшим научным разработкам, связанным с проблемами культуры поздней Римской империи, а также быть использованы при чтении спецкурсов и лекций, при проведении практических и семинарских занятий по темам, связанным изучением особенностей перехода от эпохи античности к эпохе средневековья.

Личный вклад диссертанта состоит в том, что были изучены и проинтерпретированы произведения представителя галло-римской аристократии IV в Авсония. Представление о картине мира, характерной для галло-римского аристократа IV в., было введено в контекст истории поздней Римской империи.

Положения, выносимые на защиту:

– В Галлии IV в. не существовало единой системы ценностей, характерной для привилегированных слоев общества. Галло-римский аристократ, интегрированный в несколько социальных групп (семья, круг друзей, профессиональное сообщество, муниципальная община), мыслил себя исключительно в рамках категорий, принятых в данных общностях и соотносил себя с типом личности, культивируемой в каждой из групп.

– Для высших слоев галло-римского общества было характерно наличие сходных ценностных ориентиров, которые выражались в приверженности этой части общества таким староримским добродетелям как *honor* («почет») и *pietas* («благочестие»). Востребованность этих ценностей провинциальной элитой говорит о том, что сознание ее представителей было ориентировано на высшие образцы великого римского прошлого. Такие образцы приобретали силу моральных эталонов.

Большинство ценностей, культивируемых в высших кругах галло-римского общества, носило ярко выраженный *экстравертивный* характер. Это свидетельствует о долговечности и устойчивости традиционной для римской культуры ментальной модели личности. В рамках этой модели сущность человека определялась через его общественное положение, сословный статус, род занятий, а не его индивидуальные качества, все действия такой личности были направлены на получение одобрения сограждан.

– В основе картины мира, сформированной у культурной элиты в Галлии IV в. (в нашем случае у Авсония), лежало традиционное для римского менталитета понимание категорий «*otium*»/«*negotium*»; при этом жизнь галло-римского аристократа IV в. характеризуется тенденцией к сокращению роли «*negotium*» и к постепенному отходу от общественно значимой деятельности, что, в свою очередь, вело к возрастанию удельного веса «*otium*»;

– В элитарной среде Галлии IV в. возникают два типа мировосприятия, характерными представителями которых выступают Авсоний и Павлин. Если картину мира Авсония можно обозначить как эклектическую, то картина мира Павлина, напротив, является концентрической, сфокусированной вокруг христианских ценностей. В эту эпоху разные картины мира еще сосуществуют рядом друг с другом;

– Особенностью картины мира, актуализирующей социокультурный и

личностный модусы галло-римской аристократии IV в., является устойчивая приверженность римским ценностям, римскому образу жизни в целом, что и дает все основания называть некоторых ее представителей «последними римлянами»» Специфика состоит в том, что на окраине империи в эпоху ее заката римская культурная компонента проявляется с новой силой, продлевая на галло-римской почве жизнь античных образов, воплощенных в том числе, и в картине мира Децима Магна Авсония, где представлены глубинные структуры сознания, константы именно римской ментальности, которые продолжали сохраняться вопреки значительным изменениям, произошедшим в данную эпоху.

Апробация результатов исследования осуществлялась на заседаниях кафедры культурологии ЯГПУ имени К. Д. Ушинского, на региональных и международных научно-практических конференциях в Москве и Ярославле: «Человек в информационном пространстве» (Международная научно-практическая конференция, Ярославль, 2005 г.), «Науки о культуре – шаг в XXI век» (VII всероссийская конференция–семинар молодых ученых, Москва 2005 г.), на научных чтениях им. К. Д. Ушинского ЯГПУ (2004–2005 гг.) Материалы исследования использовались в педагогической работе автора в Ярославском Филиале Московской Академии предпринимательства при правительстве Москвы.

Структура работы: работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, включающем 165 наименований и двух приложений. Общий объем работы - 191 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность выбора темы исследования, рассмотрена степень изученности проблемы, определены цели, задачи, предмет исследования; обозначена теоретико-методологическая база, сформулирована научная гипотеза, положения, определяющие новизну исследования, его теоретическую и практическую значимость.

Первая глава – «Галло-римская аристократия IV века в контексте социокультурных реалий поздней Римской империи» – посвящена определению той роли, которую сыграла галло-римская аристократия в социально-экономической, политической, идеологической, мировоззренческой сферах жизни Римской империи IV в.

В первом параграфе – «Социокультурный модус тенденций исторического развития римской Галлии» – в исторической перспективе раскрываются характерные особенности, присущие римской Галлии, которые, с одной стороны, сближали ее с другими провинциями империи, с другой – превращали Галлию в неповторимый социокультурный феномен

Несмотря на то, что Галлия принадлежала к так называемым «старым» римским провинциям, процесс ее урбанизации и романизации, расгнувшийся на несколько столетий и завершившийся лишь к III столетию, проходил весьма неравномерно и не смог до конца сгладить культурные и экономические различия, отличавшие отдельные части провинции друг от друга. Существенные различия юго-восточной части (Нарбонской Галлии) и всей остальной Галлии (Аквитании, Бельгики и Лугудунской Галлии) сохранялись вплоть до конца IV в.

В то же время к началу IV в. Галлия превратилась в наиболее романизованную провинцию. На это указывают такие важные факторы, как распространение римской правовой системы, римских форм собственности, усвоение значительной частью населения римской государственной религии, римских традиций в сфере быта и семьи. Одним из важнейших факторов, ускоривших романизацию галльских провинций, стало быстрое распространение здесь системы римского образования.

Полигический и социально-экономический кризис, разразившийся в Римской империи в III веке, привел к коренным преобразованиям в полигической, экономической и социально-стратификационной сферах жизни государства. Реформы, проведенные императором Диоклетианом и его приемником Константином, с одной стороны, определили дальнейший путь развития Римской державы, с другой, – ту роль, которую было суждено сыграть Галлии на этом историческом этапе.

Благодаря новому административно-территориальному делению Галлия заняла в системе западных римских провинций особое место, привилегированное и престижное.

Повышение политического статуса Галлии дало толчок к оживлению ее городской жизни; последняя же, в свою очередь, в наиболее отчетливых формах аккумулировала римскую систему ценностей, римскую идеологию, римскую систему образования.

Однако расцвет коснулся далеко не всех областей этого региона. *Лугудунская* Галлия в эту эпоху потеряла свое стратегическое, а вслед за ним и культурное значение. Центр политической жизни сместился на север, в *Бельгику*, где ведущее значение приобрел г. Августа Трверов (Трир). IV в. также был временем культурного и экономического расцвета *Аквитании*. Во многом этому способствовала значительная удаленность данного региона от зоны, подверженной варварским нашествиям. Благодаря этому Аквитания заслуженно превратилась в один из последних приютов античного знания. *Нарбонская* провинция, традиционно славившаяся своими школами, в IV в. должна была уступить пальму первенства Аквитании, где самой знаменитой становится *школа Бурдигалы* (Бордо).

Вопросы экономического развития Галлии IV в тесным образом переплетались с *социальными отношениями*, существовавшими в этой части империи. Несмотря на то, что социально-стратификационная структура Римской империи во всех регионах отличалась в эту эпоху определенным единообразием, галло-римское общество обладало специфическими особенностями, которые определялись, например, длительностью влияния римской культуры и идеологии, а также соседством с варварской периферией.

Социальная структура позднеримского общества заметно усложнилась по сравнению с периодом ранней Римской империи. Это проявилось в том, что внутри высших слоев римского общества была введена дробная дифференциация рангов, и, соответственно, сословный порядок сменился ранговым строем.

С учетом господствовавших в позднеримском обществе социальных ценностей и культурных стандартов, мы сочли необходимым к основным критериям социальной дифференциации, которые выражены в таких признаках, как *доход*, *власть*, *образование* и *престиж* добавить такой признак как *происхождение*.

В римском обществе IV в. можно выделить *высшие, средние и низшие социальные слои*. *Высший слой*, общеимперская знать, стала тождественна сенаторскому сословию (*ordo senatorum*), весьма пестрому, как в культурном, так и этническом плане. Однако его представители сближались между собой по двум важнейшим показателям: *характер собственности* и *степень социального престижа*.

Иерархия титулов, парившая в эпоху домината внутри сенаторского сословия, отражала структуру *имперской бюрократии*, являвшейся тогда наиболее престижной социальной группой общеримской аристократии. Важнейшим критерием, отличающим ее от других социальных групп, был доступ к реальной политической власти. По социальному происхождению в составе правящей верхушки могли оказаться члены старинных аристократических родов, наряду с новой земельной и денежной аристократией. В IV в. зачастую уже не происхождение и богатство, а личные заслуги перед императорами позволяли человеку сделать блестящую административную карьеру.

На следующей после сенаторского сословия ступени социальной иерархии позднеримского общества располагалась муниципальная знать провинциальных городов, организованная в *сословие куриалов* или *декурионов* (*ordo decurionum*). С одной стороны, в правовом плане между сословиями сенаторов и куриалов существовали четкие различия, с другой - и сенаторы, и куриалы, наряду с ветеранами, жречеством, а также представителями «высоких» профессий (преподавателями средней и высшей

ступеней. врачами и юристами) римским законодательством причислялись к *honestiores* («почтенным»). Внутри сословия декурioni существовала та же ранговая дифференциация, что и в сословии сенаторов. Вторым после декурioni сословием в городах были *августалы*, в ведении которых находилось отправление в городах культа здравствующего и умершего императора.

Для социальной дифференциации *средних слоев* городского населения особую роль играла профессиональная принадлежность. В этой среде верхнюю ступень занимали те, кто принадлежал к так называемым «свободным искусствам» (*artes liberales*): профессора высших школ, врачи и юристы. Представители остальных профессий в римских законодательных актах IV в. именовались *plebei* (ремесленники, торговцы, купцы); они были объединены в коллегии (*collegia, corpora*), составлявшие основу их общественной жизни не только в эпоху ранней, но и в эпоху поздней Римской империи.

Нижние слои римского общества IV в. были представлены вольноотпущенниками, колонами и рабами.

При наличии сложной ранговой организации римское общество никогда не являлось кастовой системой. Во все времена империи отдельные честолюбивые и деятельные люди могли подниматься вверх по социальной лестнице. Правительство лишь заботилось о том, чтобы этот подъем не совершался слишком быстро и соответствовал установленным правилам.

В III–IV вв. порядок социального возвышения, существовавший в римском обществе в первые два века Империи, претерпел значительные изменения. Причиной этого стал политический и экономический кризис, повлекший за собой изменения в социальной сфере. Одним из симптомов изменений стала резко возросшая в римском обществе III–IV вв. степень *вертикальной социальной мобильности*. Благодаря особому геополитическому, культурному и экономическому положению Галлии в IV в. именно ее уроженцы в этот период получили возможность наиболее быстро и успешно подниматься вверх по социальной лестнице и проникать в высший слой римского общества. При этом социальный подъем коснулся, в первую очередь, среднесоциальных слоев городского населения Галлии: муниципальной знати, а также наиболее образованной части – преподавателей средней и высшей ступеней школы, которые чаще всего повышали свой социальный статус, будучи востребованными на государственной службе.

Во втором параграфе – «*Культурная элита IV в. в контексте формирования субкультуры римского социума*» – была предпринята попытка моделирования образа культурной элиты Западной Римской империи IV столетия и выяснения места, которое занимали в ней выходцы из галло-

римских аристократических кругов.

Одним из главных последствий возросшей в империи III–IV вв. степени вертикальной социальной мобильности стало то, что выходцы из средних, а зачастую и низших слоев населения, получили почти беспрепятственный доступ к высшим социальным позициям. Это, в свою очередь, привело к увеличению степени социокультурной неоднородности внутри высшего сословия. Следовательно, внутри сенаторского сословия оказались не только представители *элитарной культуры*, но и представители других *субкультур*. Наиболее репрезентативными для эпохи IV в., как удалось выявить на основании изученного нами круга источников и исследований, стали две субкультуры: *«офицерская»* и *субкультура крупных землевладельцев*.

Представителями *«офицерской» субкультуры* были высшие и средние «офицерские» чины, многие из которых нередко имели низкое социальное происхождение, а также в своем подавляющем большинстве были варварами или выходцами из отдаленных окраин империи. В этой среде образование – главный механизм превращения варвара в римлянина, никогда не являлось ценностью. Напротив, высоко ценились личное мужество, воинская дисциплина и преданность монарху. В IV в. высшее «офицерство» как сложная в этническом, сословном, общекультурном отношении социальная группа, не смогло создать единые представления о сословной идентификации, и в этом отношении, на наш взгляд, его можно было бы назвать *маргинальной группой*. В «офицерской» среде галло-римляне по сравнению с германцами или другими варварами были представлены слабо.

Отличительные особенности *субкультуры крупных землевладельцев* определялись их весьма темным происхождением, которое своими корнями уходило в смутные времена III столетия. Эти «новые господа» часто формально, на уровне титулов были отнесены к сенаторскому сословию, и точно так же как и высшее «офицерство», в ценностно-культурном плане не были в него инкорпорированы. Большинство из них по большей части индифферентно относилось как к военной, так и к гражданской карьере. Поскольку эти земельные магнаты получили свое богатство нелегитимным путем и их владение имуществом не признавалось императором, они зачастую становились в оппозицию по отношению к государству, защищая от него свои владения.

Культурная элита IV в. не была ограничена рамками Рима и Италии, а имела в эту эпоху общеимперский характер. Значительное место в элитарной среде занимали уроженцы Галлии. Среди них наиболее известными были Децим Магн Авсоний, Эмилий Магн Арборий, Евмений, Рутилий Намациан. Для изучаемой эпохи было характерно наличие не одного центра элитарной культуры (Рим или Италия в целом), а нескольких очагов, рассредоточенных

по «старым» римским провинциям. Один из самых значительных очагов этого времени располагался в Галлии.

В своем исследовании мы исходим из представления о существовании культурной элиты, субъектами которой были как лица, принявшие христианство, так и те, кто оставался приверженцем язычества.

Одним из важнейших признаков, характеризующих культурную элиту Римской империи IV в., был высокий образовательный уровень, присущий его носителям. Школа не просто приучала к римскому образу жизни и римскому образу мыслей, но и воспитывала в человеке чувство восхищения и глубокого почтения перед великим прошлым Рима. Поэтому устойчивая ориентация нормативной этики на нравы и обычаи предков во многом предопределяла «кодекс» поведения, принятый в кругу позднеримской элиты. Представителей этого круга сближало общее понимание двух традиционных понятий, издавна свойственных римскому менталитету: *otium* («досуг») и *negotium* («дело»). В элитарной среде *negotium* понимался, прежде всего, как «государственная служба». Здесь еще господствовало мнение о том, что истинный аристократ должен поступать на государственную службу и постараться что-нибудь прибавить к почестям своего рода. Можно говорить и о существовании принятой в элитарном кругу модели поведения лица, обученного служебными обязанностями.

Negotium в жизни представителя культурной элиты неизменно сменялся *otium* — тот, который чаще всего трактовался как время, посвященное научным или литературным занятиям. Такое понимание было предопределено любовью элиты к классической античной литературе, которую она считала необходимым не только сохранять, но и развивать ее традиции, приумножая их своими сочинениями и комментариями. Поэтому в названном кругу, где особое место занимали галло-римляне, мы не найдем практически ни одного, кто бы и сам не являлся поэтом или писателем.

Таким образом, яркие творческие интенции играли в элитарной среде IV в. роль своеобразного селекционного механизма, при помощи которого члены элиты идентифицировали то или иное лицо в качестве «своего».

Позднеримская культурная элита, воспитанная в большинстве случаев на литературных примерах древности, преклонявшаяся перед традиционной римской системой ценностей, каждому событию современной действительности находила аналогии в великой истории Рима. Рассматривая события настоящего в контексте культурно-исторического прошлого, эти люди испытывали ясное ощущение того, что все это уже *было* — взлет сменялся падением, победа — поражением. В системе символов, значительных для этого узкого круга хранителей прошлого, оставался «вечный Рим» (*aeterna Roma*).

В IV в в рамках культурной элиты формировались два идеологических течения. Сторонники христианской идеологии занимались поиском новых путей культурного развития, стараясь выйти за пределы античной культурно-исторической парадигмы. Другая часть элиты, напротив, была нацелена на переработку «продуктов» культуры прошлых эпох в замкнутой среде «посвященных» и, не выходя за рамки сложившейся парадигмы, оберегала ее от любого воздействия новых идеологических веяний. Представителей этого течения, по сути «выпавших из времени», правомерно назвать «последними римлянами».

Во второй главе – «Картина мира Децима Магна Авсония» – мировосприятие галло-римского поэта, ритора и политического деятеля IV в Авсония рассматривается через призму его представлений об образе галло-римского аристократа IV в и представлений о двух важнейших римских категориях «otium»/«negotium» («дело/досуг»), а также в контексте взаимодействия с культурной средой.

В первом параграфе – «Представление об образе галло-римского аристократа у Авсония» – на основе метода контент-анализа, примененного к двум циклам стихов Авсония «О родных» и «О преподавателях Бурдигалы», был выявлен набор понятий, составляющий круг представлений автора о моральных добродетелях. Выстроив данные понятия иерархически, мы получили две шкалы ценностей: одну – относительно стихов о родных Авсония, другую – относительно его коллег.

Построенные нами две шкалы позволили поставить вопрос о факте присутствия единой иерархии ценностей у галло-римского аристократа IV века; выявить возможные расхождения в наборе важнейших добродетелей, демонстрируемые названными шкалами ценностей, что, в свою очередь, позволило объяснить причины таких расхождений, а также сформулировать специфические добродетели, характерные для каждой из общностей – родственников и коллег Авсония; объяснить совпадения (при их наличии), демонстрируемые шкалами ценностей, и на их основе сформулировать основные *ценностные ориентиры* Авсония; с учетом расхождений между двумя шкалами, а также принимая во внимание существование в их основе единых ценностных ориентиров, попытаться реконструировать представление Авсония об образе галльского аристократа IV в.

Проведенный лингво-культурологический анализ понятий, характеризующих добродетели элитарных слоев римской Галлии IV в., продемонстрировал существенные расхождения между двумя выявленными шкалами ценностей родственников и коллег Авсония. Каждой из общностей, к которым принадлежал поэт, был характерен свой особый набор ценностей. Для преподавателей провинциальной Бурдигалы ими являлись: *fama* (в

значении «славы»), *nobilitas* (в значении «известности»), *studium* (в значении «усердия» и «рвения»), для фамильной среды они были иными: *nobilitas* (в значении «знатности»), *laetus* (в значении «веселости нрава»), *ingenium* (в значении «дарования»), *comis* (в значении «обладания любезностью»)

Следовательно, можно констатировать, что в Галлии IV в не существовало единой системы ценностей даже для привилегированных слоев общества. Принадлежность к определенной социальной и профессиональной группе формировала стереотипы мышления и поведения, требовала от человека принятия стандартов жизни, идеалов и ценностей его микро- и мезообщностей, а также соответствия отведенным ему социальным ролям

Материалы исследованных стихотворных циклов «О родных» и «О преподавателях» также демонстрируют сходство двух шкал ценностей, выраженное наличием высоко ранжированных понятий, обладающих похожим значением. Это подтверждает наличие сходных *ценностных ориентиров* у высших кругов Галлии IV в. Среди таких понятий особого внимания заслуживают *honor* («почет», «почесть») и *pietas* («благочестие»). *Honor* и *pietas* чаще всего не являются личными свойствами в «галерее» портретов Авсония, а характеризуют образ действий, направленный на сохранение памяти умерших (напр. «последние почести», «последний долг») и присущий самому автору циклов. Вместе с тем *pietas* Авсония – это еще и благочестивое отношение к *patria*, к своей *civitas*

Таким образом, являясь центральными категориями римской полисной морали, *honor* и *pietas* обнаруживают поистине поразительную долговечность и устойчивость. Тот факт, что они столь часто фигурируют в поэтическом языке галло-римлянина IV в., говорит о востребованности этих понятий провинциальной элитой, сознание которой было ориентировано на высшие образцы великого римского прошлого. Следовательно, одной из главных особенностей миропонимания Авсония являлась последовательная, подчас демонстративная приверженность староримским моральным принципам

В целом, провинциальный аристократ в эпитафиях Авсония предстает как носитель нескольких наиболее значимых социальных ролей. Сущность такого человека определяется через его общественное положение, сословный статус, род занятий, а не его индивидуальные качества. Аристократ в эту эпоху еще не полностью осознавал себя как автономную индивидуальность, а идентифицировал себя с какой-либо общностью (семьей, кругом друзей, профессиональным сообществом, муниципальной общиной) и должен был выполнять в ее рамках отведенную ему роль. Поэтому моральные ценности, которые были приняты за норму в различных мезообщностях галльской элиты в IV в., были в своей основе *экстравертивны* и направлены на одобрение согражданами.

Если и возможно говорить о существовании целостного, причем во многом условного, образа галло-римского аристократа периода поздней Империи, то в своих типичных чертах он был ориентирован на нормативный тип римлянина ранней Империи, а не Республики. На это, в частности, указывает в выстроенных нами шкалах ценностей отсутствие или очень низкий ран моральных категорий, выражающих качества римлянина-воина (*virtus* («доблесть»), *gravitas* («степенность», «серьезность»), *fortitudo* («неустрасимость»), *severitas* («строгость»)), столь ценимых в республиканском Риме. Их место заняли добродетели, характерные для новой стадии развития общества, когда элита стала носителем более утонченной, рафинированной культуры, что и произошло в период ранней Римской империи.

Во втором параграфе – «Трансформация понятий «*otium*»/«*negotium*»: от Магна Авсония к Понтию Павлину» – картина мира галло-римского аристократа IV в. в основном была рассмотрена на материале «Посланий» Авсония через призму важнейших категорий, на протяжении столетий структурировавших жизнь обеспеченных и образованных римлян – категорий «*otium*»/«*negotium*» («досуг»/«дело»)

Особое внимание в параграфе уделено особенностям так называемого аристократического *otium*'а. Если *negotium* почти всегда ассоциировался у высших слоев Римской империи с городом, то местом проведения *аристократического досуга* традиционно являлось имение. Такой *otium*, наполненный пересздами с одной виллы на другую, посещением друзей, участием в совместных трапезах, которые обычно сопровождались дружеской беседой, чтением литературных новинок, шутками и экспромтами, особенно высоко ценился в просвещенных кругах римской Галлии IV в. Он требовал от участника умения оперировать как устным, так и письменным словом и, в частности, владения навыком создания *литературно оформленных писем*, которые в эту эпоху являлись важнейшим способом коммуникации в среде галло-римских интеллектуалов.

Литературно оформленное письмо обладало рядом особенностей, которые отличали его как от служебного послания этого времени, так и от современного письма. Античная эпистола никогда не сводилась к прямому и простому изложению содержания, она предполагала определенные формулы, в которые должно было быть облечено содержание, предполагала элементы традиционно-декоративные, и в этом смысле являлась своего рода *классическим текстом*. Создание таких писем подчинялось четким стилистическим нормам, разработанным риторикой, и принадлежало области словесного искусства.

Одна из особенностей литературно оформленных писем была связана

с тем, что обращенные к конкретному лицу, они почти всегда становилось фактом общественной и литературной жизни. Их читали друзьям, переписывали и хранили в специальных шкатулках вместе с драгоценностями. Таким образом, сам факт сохранности посланий Авсония или Симмаха – это безусловное свидетельство их ценности в глазах современников.

Поскольку в последние годы жизни Авсония большинство его адресатов составляли его «дружеский круг», разделяя с ним его *otium*, то анализ переписки галло-римского поэта позволил, с одной стороны, получить представление об особенностях общения, принятых в данном кругу, с другой – дал возможность реконструировать общую картину взглядов поэта на *аристократический otium*.

Наиболее распространенной темой в письмах Авсония является *призыв к общению*. Неслучайно среди посланий значительную часть составляют приглашения в гости. При этом в основе такого общения неизменно находятся общие литературные интересы – возможность помериться силой при помощи такого «оружия», как «элегический стих, и гекзаметр, и ямб, и эподы», или обсудить литературные новинки.

Помимо взаимных визитов, неперменной составляющей аристократического *otium*'а являлся и обмен дарами. При этом в роли последних могли выступать как гастрономические яства, так и поэтические произведения. И те, и другие не раз становились поводом для создания Авсонием очередного поэтического послания.

Друга, а чаще – друзей, приезжающих на виллу к Авсонию, ждала насыщенная «культурная программа», в которую непременно входили совместные трапезы, литературные беседы (часто включающие стихотворные декламации и состязания), камерные театральные постановки, представления танцев, водные процедуры. Но чаще всего не только в «Посланиях», но и в других сочинениях Авсония можно встретить свидетельства того, что важнейшим атрибутом аристократического *otium*'а в Галлии IV в. являлось *дружеское застолье*. Обед (*cena*) издавна в глазах римлян обладал общественным содержанием. Он был не просто формой насыщения, а значительным элементом жизни. *Cena* – это и время, и место, где рождались и реализовывались социальные отношения, и в этом плане она выполняла в позднеримской культуре роль хронотопа.

Переписка Авсония также дает возможность составить представление об особенностях гастрономической культуры, принятой в среде галло-римской аристократии IV в. Судя по письмам Авсония, значительное место в меню высшего общества Галлии занимали такой промысловый изыск, как устрицы (*ostrea*). Эти моллюски, известные еще со времен Республики и не

раз упоминавшиеся римскими поэтами и писателями (Луцилием, Цицероном, Вергилием, Плинием Старшим), стали в период поздней Римской империи неизменным элементом римской культуры. Это подтверждается также двумя стихотворными посланиями Авсония, полностью посвященными устрицам.

Однако жизнь галло-римского аристократа IV в., наполненная известным набором удовольствий и развлечений, в то же время, не исключала исполнения обязанностей общественного характера (*negotium*'a), например, периодического присутствия в городе на собраниях городского совета

В целом, можно констатировать, что аристократический *otium*, рассмотренный на материале произведений Авсония, в своих проявлениях был ориентирован на *традиционный досуг*, культивируемый римской аристократией предшествующих столетий. Внутреннее содержание *otium*'a Авсония подчинялось той специфической особенности, которая во многом сформировала ментальную модель представителя культурной элиты Галлии IV в., а именно, *приверженности* староримской системе ценностей, основу которой составляло раз и навсегда сформированное соотношение между категориями «*otium*»/«*negotium*».

В то же время в этой модели происходят существенные изменения, которые, по нашему мнению, выразились в сокращении роли *negotium*'a в жизни галльской аристократии IV в. Соответственно, удельный вес *otium*'a постоянно увеличивался. *Otium* становился той лакуной, погрузившись в которую, галло-римский интеллектual мог реализовать те принципы, которые невозможно было реализовать в сферах, где царил *negotium*.

IV в. был временем «слома» культурных эпох, временем смены культурно-исторических парадигм, что не могло не отразиться и на элитарной культуре, которая своеобразно выражала неустойчивый баланс между «старым» и «новым». Расхождения, намечившиеся между представителями двух «лагерей» позднеримской элиты, не ограничивались религиозной проблематикой, – они были глубже и выражались в несовпадении мировосприятий, в специфичности картин мира. Примером, ярко демонстрирующим такие расхождения, выступают межличностные взаимоотношения Авсония с его учеником и другом Понтием Меропием Павлином.

Рассмотрев конфликт, возникший между Авсонием и Павлином (и отраженный в их переписке) через призму категорий «*otium*» и «*negotium*», мы пришли к выводу, что суть возникших между этими людьми разногласий состояла в том, что у Павлина эти понятия получили новое смысловое наполнение. Традиционное толкование двух категорий, которые, по сути, составляли систему координат в жизни Авсония и других представителей галло-римской аристократии, во многом определяя *назначение* человека в

жизни, потеряло для Павлина всякую ценность. Для него *negotium* – это служение Богу, которому Павлин отдает все свое время. При этом *negotium* понимается Павлином не иначе как *общественно значимая практическая деятельность*, которая, как и прежде, трактуется в категориях *долга* (*munus*) и *обязанности* (*officium*). В восприятии Павлином традиционного римского *otium*¹ заметны еще более существенные изменения. Аристократическому досугу, наполненному развлечениями и удовольствиями, теперь вовсе нет места в его обновленной жизни. В то же время литературные занятия, некогда являвшиеся блестящим атрибутом римского аристократического *otium*¹, превращаются у Павлина в одну из форм христианского и, в этом смысле, обновленного *negotium*¹.

Таким образом, немногие представители галло-римской аристократии в IV в., к которым принадлежал и Понтий Павлин, трансформируя привычные ментальные стереотипы, становились создателями новых культурных норм, а значит, и – новой системы ценностей, новой картины мира. По своему духу они уже всецело принадлежали следующей эпохе. Религиозное чувство в их картине мира занимало одно из главных мест. Для них служение Богу становилось своеобразным инвариантом *negotium*¹.

В целом, в элитарной среде Галлии IV в. различимы два типа мировосприятия, характерными носителями которых выступают Авсоний и Павлин. В эту эпоху разные взгляды на мир, разные картины мира еще сосуществуют рядом друг с другом. Многие еще объединяет этих людей воспитание, образование, привычки, любовь к литературе. Но с той же очевидностью вырисовываются и различия. Чаще всего, как в случае с Авсонием и Павлином, они возникали на религиозной почве, но по своему значению выходили далеко за пределы религиозной проблематики. Характерно, однако, что в эту эпоху подобного рода противостояние носит, скорее, характер интеллектуальной дихотомии и не принимает форму бытовой вражды. В высших кругах различное отношение к религии тогда еще не являлось основанием для личной неприязни, что, в числе прочего, можно рассматривать как свидетельство уникального опыта, характеризующего социокультурный и личностный модусы римской аристократии IV в.

В заключении излагаются общие выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования высших слоев позднеримского общества.

Работа содержит два приложения: карту римской Галлии эпохи домината и список сокращений.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях:

1 Бойко Н.В. Две шкалы ценностей Авсония // Ярославский педагогический вестник. 2005 № 2 С. 154–159 (0,5 п.л.).

- 2 Бойко Н В Религиозный контекст духовных коллизий Авсония и Павлина Ноланского // Культура Литература Язык: Материалы конференции «Чтения Ушинского». Часть 2. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2005 С. 77–82. (0,4 п.л.).
- 3 Бойко Н.В Два приема создания образа автора в текстах Децима Магна Авсония // Человек в информационном пространстве. Сборник научных трудов Ярославль–Воронеж, 2006 Вып. 6. С. 75–80 (0,3 п.л.)
- 4 Бойко Н В Исторический дискурс категории «провинция» // Столицы и столичность в истории русской культуры: Научный сборник. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006. С. 101–103 (0,3 п.л.)

2006А
8238

Р - 8238

Формат 60x90 1/16

Усл. П.л. 1,5

Тираж 100 экз.

Заказ 830

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского».
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108

Типография
ГОУВПО «Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского»,
150000, г. Ярославль, Которосльская наб. 44